

Глава 12. Становление вторичной государственности на Дальнем Востоке в Средние века

Крадин Н. Н.

В настоящей главе рассматривается специфика политогенеза на территории Российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Манчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Эти территории, как и Корея, и Япония не входили в число первоначальных очагов происхождения государственности. Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называемым «вторичным» ранним государствам, то есть образовавшимся по соседству и под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая). В середине 1-го тыс. н. э. на территории Приморья, Приамурья и смежных зонах Манчжурии проживали мохэ, которые традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Известно семь крупных мохэских объединений (судя по всему, вожеств).

В начале VII в. часть мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это стимулировало процессы внутренней консолидации и привело к созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названное в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом». В 698 г. было провозглашено государство Бохай. В целом, бохайское королевство являлось классическим «ранним государством», для которых характерно отсутствие частной собственности на средства производства и сложившегося бюрократического аппарата. По мере увеличения сложности раннее бохайское государство должно было трансформироваться в «зрелые» традиционные государства, для которых характерно известное развитие частной собственности, формирование государственного аппарата. Первоначально социальная структура выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники, шесть знатных кланов, вожди и старейшины, простые общинники. В период наивысшего расцвета социальная структура Бохая состояла из двух основных классов: 1) бюрократическо-управленческой элиты, разбитой на восемь рангов, в которую входили королевская семья, крупная аристократия и служилая знать, и 2) непосредственных производителей – крестьян, объединенных в общины. Аппарат управления Бохая копировал бюрократическую модель империи Тан и включал три управления, шесть министерств. Министерства подразделялись на левые и правые. Чиновники делились на восемь рангов.

Бохай был завоеван киданями в 926 г. На бохайских землях было создано марionеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Киданьская империя Ляо (907–1125 гг.), как и впоследствии государство чжурчжэней Цзинь (1115–1234 гг.) имели более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В слу-

чае с киданями и чжурчжэнями, это были империи, которые создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высокоразвитых соседей земледельцев (китайцев). Поскольку вновь созданные общества имели сложносоставной характер (в литературе данное явления нередко называют «суперстратификацией») и занимали большую территорию, то их можно называть «варварскими империями». Основной формой эксплуатации в «варварских» империях были данничество и налогообложение подчиненного земледельческого и городского населения. Так происходило наложение предклассовых или максимум раннеклассовых институтов воинственных северян на типичное восточнодеспотическое общество завоеванных оседлых жителей.

По мере включения в состав киданьской империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация возглавлялась «северным канцлером», в чью компетенцию входил контроль за киданями. Южная администрация существовала для управления китайцами и структурно копировала бюрократическую систему империи Тан.

Во второй половине XI века на периферии киданьского государства началась консолидация чжурчжэней под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все более или менее крупные объединения чжурчжэней оказались под их влиянием. В 1115 г. вождь чжурчжэней Агуда провозгласил создание Золотой империи чжурчжэней (по-китайски – Цзинь). После завоевания территории Ляо чжурчжэни взяли за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромные выплаты. Государство чжурчжэней Цзинь также как и киданьская империя Ляо состояло из двух основных культурных пластов: завоевателей чжурчжэней и эксплуатируемых крестьян и горожан китайцев.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой управления. В период между 1133 и 1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. В новом государственном устройстве много было заимствовано от китайской традиционной бюрократической системы, то в нее вошло и немало элементов управления чжурчжэньским обществом. Основу госаппарата составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве были заняты чжурчжэнями. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами. В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура чжурчжэньской империи.

В целом для всех рассмотренных дальневосточных государств характерно не только заимствование тех или иных компонентов средневековой китайской по-

литической культуры, но также можно проследить влияние «более развитых» дальневосточных обществ на «менее развитые». Влияние имело стимулирующий характер, ускоряло процессы экономического и культурного подъема, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. Так, можно выявить древнекорейское влияние на процессы политогенеза в Японии. В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов. Большое влияние на них оказала «тюркская» модель, не случайно еще в конце VII в. ряд вождей пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни на процессы политогенеза у монголов. Это выразилось в международном признании, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр. В настоящей главе рассматривается специфика политогенеза на территории российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Маньчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называемым вторичным ранним государствам (Fried 1967: 240–242), то есть образовавшимися по соседству и под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая).

Объектом исследования избраны средневековые государства региона (Бохай, 698–926; Ляо, 907–1125; Цзинь, 1115–1234), которые были созданы на периферии китайской или восточно-азиатской мир-системы. Данные государства существовали близко друг от друга и сменяли друг друга в соответствии с принципом домино: каждое последующее завоевывало предыдущее (в этот перечень нужно добавить монголов и с оговоркой маньчжуров). При этом центры политогенеза бохайского и чжурчжэньского государств находились в природной зоне лесов и тайги Дальнего Востока. Ареалы этнополитической активности киданей локализируются в степи ближе к границе степи и леса.

Данные государства в определенной степени можно рассматривать в рамках теории окраинного преимущества Р. Коллинза, когда находящееся на периферии общество имеет определенные стратегические преференции, позволяющие ему создать мощную военную силу и завоевать или разгромить хартленд. С течением времени запас преимуществ оказывается растерянным и империя становится добычей в руках нового периферийного гегемона (Коллинз 2001).

Государство Бохай (698–926)

В середине 1-го тыс. н. э. на территории Приморья, Приамурья и смежных зонах Маньчжурии проживали мохэ, которые традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Согласно летописям выделяется семь наиболее известных и влиятельных мохэских объединений (кит. *булэй*), занимавших территорию от долины реки Сунгари на юго-западе до низовьев Амура на северо-востоке. В классическом переводе Н. Я. Бичурина это звучит так: «Первое называется *Лимо*, смежное с Гаоли; оно имеет 7000 строевого войска по большей

части из храбрых ратников, и часто производит набеги на Гаоли. Второе поколение называется *Боду*; обитает от Лимо на север; имеет 7000 строевого войска. Третье называется *Ангюйгу*; обитает от Боду на северо-восток. Четвертое называется *Фонье*; обитает от Боду на восток. Пятое поколение называется (Хао) *Ши*; обитает от Фонье на восток. Шестое поколение называется *Хэй-шуй-бу*, *Черноречным*; обитает от Аньгюйгу на северо-запад. Седьмое называется поколением Белых гор, *Белогорным*, *Бай-шань-бу* обитает от Лимо на юго-восток; строевого войска имеет не более 3000 человек» (Бичурин 1950: 69–70, 91–92).

Каждое из *булэй* возглавлялось вождем, занимало относительно большую территорию, но отличались количеством выставляемых воинов (Там же; Ивлиев 2005: 449–450; Полутов 2014: 219). Помимо них известны более мелкие владения мохэ (кит. *бу*, традиционно переводимое как «племя»). Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* – сложным вождествам. Это подтверждается как данными археологии (Крадин 2000), так и письменными источниками, согласно которым зафиксировано имущественное неравенство и категории неполноправных социальных групп (Шавкунов 1968: 35, 37). При этом в летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других» (Бичурин 1950: 69; Reckel 1995: 18).

Интересно, что четыре из семи вышеперечисленных этнонимов соотносятся с географическими названиями того времени. Термин *сумо* происходят от названия реки Сумошу (Сунгари), *аньчуху* – от Ашихэ (приток Сунгари), *Хэйшуй* (Черная река) или *Хэйлунцзян* (река Черного дракона) – это Амур ниже Сунгари, а *байшань* производно от наименования так называемых «Белых гор» – Чанбошань или Чанбайшань.

Из них наиболее значимыми и сыгравшими важную роль в истории были два формирования. Во-первых, *сумо* мохэ, которые проживали на крайнем юго-западе территории расселения мохэсцев, в верховьях реки Сунгари. Они через несколько веков стали основой населения государства Бохай. Во-вторых, самые крупные *хэйшуй* мохэ, которые расселялись на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Усури и Амура. Они дали основу для формирования чжурчжэньской государственности.

В VII в. *сумо* мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это привело к консолидации и созданию у них в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом» (Крадин 2005). В 698 г. были провозглашены королевство Бохай (до 713 г. оно называлось Чжэнь) и первый его правитель (*ван*) Да Цзожун (Шавкунов 1968).

Бохай включал восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. В период расцвета государство было разделено на 5 столиц, 15 областей, 62 округа, 125 уездов (Шавкунов 1994; Reckel 1995: 62–65; Ивлиев 2005: 459–466). Апогеем могущества Бохая было правление вана Да Циньмао (737–793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещенный». В годы его царствования была сформирована также система государственных институтов. В «Синь Тан шу» в разделе «Повествование о Бохае» дано подробное описание аппарата

управления (Цзинь Юйфу 1982: 9; Ван Чэнли 1984: 105–109; Reckel 1998: 63–64). Высшими органами в стране были три *шэна* (палаты). Палата Сюаньчжаошэн являлась чем-то наподобие госсовета. Его возглавлял левый *сян*. Палата Чжунтайшэн выполняла функции государственной канцелярии. Она подчинялась правому *сяну*. Палата Чжэнтаншэн представляла собой правительство, состояла из шести ведомств и делилась на левую и правую половины (*люсы*). Данное деление было заимствовано из танской бюрократической системы (Попова 1999), но его истоки берут начало в степных древнетюркских традициях. Палатой руководил *данэйсян*, которому были подчинены остальные *сяны*. Ведомства или министерства (*бу*) возглавлялись *цинами*, которые фактически являлись министрами.

Названия министерств не отражают их функций. Левая половина состояла из ведомств Верности (*чжунбу*), Гуманности (*жэньбу*) и Справедливости (*ибу*). Правая часть включала министерства Премудрости (*чжибу*), Этикета (*либу*) и Честности (*синьбу*). При этом ведомство Верности занималось отбором, назначениями и ротацией чиновников. Ведомство Гуманности собирало налоги и отвечало за финансы. Ведомство Справедливости следило за исполнением государственных ритуалов и жертвоприношений. Министерство Премудрости выполняло военные функции, министерство Этикета – судебные обязанности, а министерство Честности занималось общественными работами. Помимо трех данных палат имелось еще 9 институтов (*сы*), функции которые отчасти пересекались с министерствами. Они отвечали за обслуживание двора и гарема, подготовку поздравлений, проведение церемоний и ритуалов, прием посольств, подсчет запасов хлеба, охрану королевских кладовых и др. Существовала также конфуцианская школа для детей аристократии.

Китайские источники также сообщают о системе рангов чиновников, которым было предписано носить одежду соответствующего цвета и знаки отличия. Так чиновники высших трех рангов носили фиолетовую одежду, имели дощечки для записи указаний из слоновой кости и золотые бирки в виде рыбок. Чиновники четвертого и пятого рангов носили темно-красную одежду, имели дощечки из слоновой кости и серебряные бирки-рыбки. У чиновников 6–7 рангов одежда была светло-красная, у чиновников 8 ранга – зеленая. Все они имели деревянные дощечки для записи указаний (Цзинь Юйфу 1982: 9; Reckel 1998: 64–65).

В целом государственный аппарат Бохая во многом копировал устройство государственного аппарата Танской империи (Попова 1999). Однако при этом ведомства имели собственные названия и отличия, что было обусловлено, по мнению Сон Ки Хо, двойственным положением Бохая (Song Ki-ho 1990a, 1990b, 1999). С одной стороны, бохайцы демонстрировали вассальный статус в отношениях с империей Тан. С другой стороны, в реальности они проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику. Это проявлялось в собственных девизах правления, имперских амбициях, выразившихся в отношениях с государствами Японией и Силла, периферийными мохэскими владениями, а также в титулах бохайского правителя (*хуаншан* – «его величество император», и *тяньсунь* – Внук Неба).

Социальная структура Бохая первоначально выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники; шесть знатных кланов; вожди и старейшины,

простые общинники. С течением времени социальная структура трансформировалась: император (*хуанишан*) и его семья, управленческо-бюрократическая элита, разбитая на восемь чиновных рангов, в которую входили крупная аристократия, служилая и местная знать; крестьяне, объединенные в общины; различные неполноправные категории населения (Крадин 1989).

Археологические материалы позволяют глубже понять особенности организации бохайского общества. На территории Приморья известно большое количество археологических памятников государства Бохай (Болдин и др. 2010) – городища, поселения, культовые объекты и могильники. Самый известный археологический памятник – крупный город, которым являлось Краскинское городище (Гельман 2018). Оно расположено на самом юге Приморского края. На протяжении уже многих лет здесь ведутся интенсивные раскопки, которые выявили различные строительные конструкции – каменные городские стены, привратные укрепления, буддийский храмовый комплекс, печи для обжига черепицы, выложенный из камня колодец и др. На городище также раскопаны жилища с канами – лежанками, отапливаемыми горячим воздухом (Гельман и др. 2018).

Город являлся крупным центром сосредоточения ремесла – гончарства, металлургии, производства черепицы, строительного дела и др. (Гельман, Асташенкова 2018). Здесь найдено много предметов престижного потребления и свидетельств развитой внешней и внутренней торговли (фарфор, глазурованная керамика, украшения). Считается, что это был центр бохайского округа Янь, через который велась морская торговля с Японией. Всего из Бохая было отправлено 35 посольств в Страну восходящего солнца. Из Японии за это время прибыло 13 дипломатических миссий. В составе бохайских посольств, помимо официальных лиц и торговцев, были поэты и музыканты. Они участвовали совместно с японскими литераторами в представлениях при императорском дворе. Недавно на Краскинском городище были найдены надписи на керамике, которые, возможно, являлись японскими именами, – Хиромото и Митатака.

Большинство населения Бохая составляли крестьяне-земледельцы. В ходе раскопок находят железные лемехи, отвалы, лопаты, серпы, сделанные из камня жернова и ступы. Палеоботанические исследования показывают, что в Приморье бохайское население выращивало просо, пшеницу, ячмень, фасоль, сою, горох, гречиху. Помимо этого бохайцы сеяли технические культуры, были знакомы с садоводством, разводили домашних животных – свиней, крупный рогатый скот, лошадей. Охота на таежного зверя имела вспомогательное значение. Они также занимались собирательством и рыболовством (Болдин 1986; Сергушева 2018). Бохайские ремесленники отличались высоким профессионализмом. Металлурги владели ковкой, закалкой, рубкой, обточкой, возможно, кузнечной сваркой. Они также отливали из чугуна котлы, лемехи и отвалы, втулки ступиц, изготавливали бронзовые украшения, мелкую утварь, предметы культа и др. (Леньков 1993).

Бохайцы были знакомы с письменностью. На территории Китая изучались стелы с текстами на китайском языке из погребальных комплексов членов королевской семьи. Государственной религией в Бохае был буддизм. При раскопках найдены предметы искусства, связанные с буддизмом (изображения будд и буд-

дийских божеств), различные антропоморфные фигурки, изделия неутилитарного назначения (Гельман, Асташенкова 2018).

Бохай был завоеван киданями в 926 г. На бохайских землях было создано маорионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе государства был поставлен старший сын Абаоцзи Туюй. Он имел собственный девиз правления и императорские регалии, самостоятельно отправлял посольства в Японию и Китай (Е Лунли 1979: 240). На высшие государственные посты – правого и левого великого канцлеров (*цзо ю дасян*) и правого и левого заместителей (помощников) канцлеров (*цзо ю цысян*) назначаются поровну представители киданьской аристократии и старой бохайской знати. Зависимость Дундани от киданьской империи выражалась в ежегодной дани в размере пятидесяти тысяч кусков тонкого полотна, ста тысяч кусков грубого полотна и одной тысячи лошадей (Там же).

Недовольство бохайцев привело к целой серии восстаний, которые были подавлены (Ляо ши 1958: 2,66–7а), а также к массовому бегству населения в Корё (Шавкунов 1968: 54–56; Цзинь Юйфу 1982: 78–81; Ивлиев 1986: 21–22). Поскольку сопротивление не прекращалось, кидани сменили тактику. Елюй Юйчжи предложил обезопасить восточный фланг империи Ляо, депортировав нелояльных бохайцев: «...население значительно размножится, а так как оно живет в далеких землях, я боюсь, что в дальнейшем явится для нас источником бедствий. В то же время земли по берегам р. Ляншуй являются их старой родиной... Если сейчас, пользуясь слабостью населения, переселить его обратно, это явится дальновидным планом» (Е Лунли 1979: 363).

Согласно расчетам китайских историков, из Бохая было выслано примерно 65 % населения (Ван Чэнли 1984: 176–177). Депортированных бохайцев сотнями и тысячами приписывали к ордам императоров для строительства и обслуживания императорского мавзолея, они дарились членам императорской фамилии, крупным вельможам, привлекались к несению всевозможных трудовых повинностей (Ивлиев 1988). Бохайцев перемещали даже на западные границы империи Ляо для снабжения солдат продукцией земледелия и ремесла. Как показывают археологические исследования, подтвержденные данными письменных источников, часть бохайцев на рубеже X–XI вв. была переселена на территорию Центральной Монголии для строительства города Чжэньчжоу (совр. городище Чинтолгой-балгас) и других крепостей (Крадин и др. 2011). По иронии судьбы спустя столетие, уже после падения империи Ляо, именно туда стеклись остатки киданьского воинства, которые отказались подчиниться чжурчжэням. Как и бохайцы, они потеряли свою страну и шли теперь искать счастья на чужбине.

Киданьская империя Ляо (907–1125)

Первые упоминания о киданях в китайских летописях относятся к IV в. (Таскин 1984: 154). Их историческая прародина – долины рек Шара-Мурэн и верховья Ляохэ. По данным археологии, районом начального обитания киданей было нижнее течение Ляохэ вплоть до Даньдуна и примыкающей к нему территории современной Кореи (Чэнь Юнчжи 2011).

Этнически кидани связаны с дунху, сяньби, ухуанями и другими монголоязычными народами (Викторова 1980). Основу их хозяйства этого времени составляло кочевое скотоводство. В течение большей части 1-го тыс. н. э. кидани не играли значительной внешнеполитической роли в Дальневосточном регионе. Они были объединены в рыхлую конфедерацию «кочевий» (*було* – племен или вожеств) с выборным вождем (*дажэнь*). Сначала было десять «кочевий», затем восемь, которые могли выставить от 1 до 6 тыс. воинов (Таскин 1984: 156, 157). Только с гибелью каганата уйгуров и последовавшим за этим развалом Танской империи они получили исторический шанс (Barfield 1992), который совпал с приходом к власти Абаоцзи из рода Елюй. Последний объединил всех киданей и в 907 г., уничтожив потенциальную племенную оппозицию, объявил себя каганом. Однако до окончательной победы было еще далеко. Ему понадобилось почти десять лет, чтобы расправиться с сепаратистами и укрепить свою власть (Цай Мэйбяо 1964). В 916 г. он принял титул «великий совершенномудрый великий пронизательный небесный император» (*да шэн да мин тяньхуанди*), утвердил девиз правления и официальное наименование империи – «Государство киданей» (*Цидань-го*).

После гибели империи Тан китайские царства, возникшие из ее осколков, стали легкой добычей кочевников-киданей. Придя к власти, Абаоцзи начал активную завоевательную политику. Уже в 902 г. он завоевал 9 городов и захватил 95 тыс. пленников. Параллельно кидани провели несколько военных кампаний против своих соседей на разных фронтах. В 904–911 гг. были разбиты шивэйцы и кумоси, в 915 г. кидани вышли к границам Корейского полуострова, а в 924 г. они дошли до монгольского хартленда – «старого уйгурского города» на берегу Орхона (Ляо ши 1958: 2, 46–5а). По всей видимости, это были развалины столицы уйгурского каганата Карабалгасуна (Малявкин 1974: 64, 135). Наконец, в 926 г. они без особых проблем завоевали государство Бохай. На завоеванных землях было создано вассальное государство Дундань (Ляо ши 1958: 72, 16; Е Лунли 1979: 240). В том же году в возрасте 54 лет Абаоцзи скончался. Ему наследовал второй сын – Елгюй Дэгуан.

В 947 г. Дэгуан изменил название государства на «Великое Ляо» (*Да Ляо*), принял новый календарь по китайскому образцу и новый девиз правления. К этому времени уже более миллиона китайцев являлись подданными киданьского кагана-императора. На Великой равнине фактически сложилась биполярная структура, образованная империями Ляо и Сун, которые противостояли друг другу в течение почти полувека. Только в начале 1005 г. был заключен мирный договор (Е Лунли 1979: 126–129), согласно которому сунский и ляоский правители относились друг к другу как старший и младший братья. Однако за формально более высокий статус, а фактически – в качестве компенсации за неудовлетворение территориальных претензий киданей Сун обязалась ежегодно поставлять 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лян серебра.

По сути, это был ежегодный откуп за право именоваться старшим по статусу. В договоре стороны также обязались прекратить войну, восстановить дружественные отношения, пресекать вторжения на границы и грабежи со стороны населения обоих государств, не допускать укрывательства преступников и пере-

бежчиков, не строить на границе крепости, валы, рвы и каналы (Ляо ши 1958: 14,6а; Е Лунли 1979: 283–285). После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. лян серебра и до 300 тыс. кусков шелка (Е Лунли 1979: 148–149, 289–292; Franke 1990: 408–409). Длительное время эти доходы оставляли основу бюджета престижной экономики империи. С варварских народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и пр. (Wittfogel, Feng 1949: 93, 100, 120, 127; Е Лунли 1979: 303–305; Ивлиев 1988: 10–11). Дань собиралась с завидной регулярностью. Так, например, с начала X по начало XII в. с чжурчжэней дань взималась 69 раз, с тели – 43 раза, с уго – 18 раз (Воробьев 1975: 400–410).

По мере включения в состав киданьской империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация возглавлялась Северным канцлером, в чью компетенцию входил контроль за киданями. Южная администрация существовала для управления китайцами и структурно копировала бюрократическую систему империи Тан.

В период расцвета численность населения империи Ляо составляла 3,8 млн человек. Кочевники кидани составляли всего пятую часть населения империи (750 тыс. человек). Кроме них в состав государства входили земледельцы китайцы – более половины населения (2400 тыс. человек), бохайцы (450 тыс. человек), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. человек) народы (Wittfogel, Feng 1949: 58). Включение в состав империи значительных земледельческих территорий требовало создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления племенной конфедерации киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. По этой причине в империи Ляо была введена дуальная система управления – разделение на Северную и Южную администрации.

«Кидани управлялись согласно их национальной системе, в то время как китайцы управлялись согласно их собственной системе. Киданьская национальная система была бесхитростна и проста. В китайской системе использование традиционных терминов было сохранено. Правительство государства Ляо было разделено на Северное и Южное подразделения. Северная область управляла делами кочевий, юрт, племен, родов и племенных объединений, в то время как Южная область управляла налогами и военными делами профектур и областей» (Ляо ши 1958: 45, 1а–1б; Wittfogel, Feng 1949: 473).

Ключевые позиции в управлении страной занимала администрация Северного района (*Бэйфу*). Ее главными функциями был контроль за киданьскими племенами, другими кочевыми и так называемыми «варварскими» народами, а также военные функции, включая разведение государственных стад лошадей. Ад-

министрация возглавлялась Северным и Южным канцлерами. В ней также имелись подчиненные канцлерам ведомства, ряд учреждений, связанных с непосредственным управлением киданьскими племенами и императорским кланом. В состав правительства Северного района входил также и Секретариат, ведший переписку киданьским письмом. Кроме того, в правительстве Северного района находилась серия технических бюро, руководивших правительственными стадами, плавкой железа, арсеналом, различными мастерскими и охотничьими угодьями (Ляо ши 1958: 45: 5а–7а; 46: 6а–9а; Wittfogel, Feng 1949: 440–442).

Центральный государственный аппарат находился в Верхней столице. Он состоял из двух больших подразделений: администрации Северного района, ведавшей управлением киданьскими и другими племенами, и администрации Южного района, управлявшей оседлым земледельческим населением, в основном китайцами и бохайцами (Ляо ши 1958: 45: 1б–3б, 5б–6б). Для каждой из этих двух групп населения была разработана своя система законодательства (Wittfogel, Feng 1949: 466–467).

Важное значение имело создание собственной киданьской письменности. В 920 г. племянник Абаоцзи Лубугу и Елюй Тулюйбу создали большое киданьское письмо. Считается, что оно было идеографическим. Оно не получило большого распространения. Однако через пять лет Дэла (Юньдухунь) создал малое киданьское письмо, которое, по всей видимости, было фонетическим (подробнее о киданьской письменности см.: Chinggeltei 2002; Kane 2009 и др.). Создание письменности имело огромное значение для формирования ляоской государственности и закрепления самоидентичности киданей. С одной стороны, письменность служила инструментом фиксации устных распоряжений на бумаге, что стимулировало формирование строгих правил управления и контроля. С другой стороны, создание письменности привело к формированию корпуса нарративных текстов, что стимулировало развитие национального языка, высокой культуры, способствовало развитию этнической идентичности.

Абаоцзи и его преемники вводили различные почетные титулы и должности для представителей царствующей элиты. Данные звания нередко представляли собой лишь почетный статус или не имели четко очерченного функционала и не давали реальных инструментов для реализации каких-либо решений. Причиной подобной противоречивой политики было стремление, с одной стороны, удовлетворить желание представителей правящей династии быть причастными к институтам власти. С другой стороны, всегда существовали опасения, что близкие родственники – дядья и братья – могли составить конкуренцию правящей линии и привести к ее смене.

К числу первых подобных титулов у киданей, введенных еще на заре династии, были звания *тинья* и *юйюэ*. Титул *юйюэ* появился еще до узурпации Абаоцзи престола. Во времена империи Ляо *юйюэ* не имели официальных обязанностей, но располагались по статусу выше всех чиновников. Данное звание «давалось только совершившим крупные подвиги и отличавшимся большими добродетелями. Являлось в государстве Ляо почетной должностью и соответ-

ствовало должностям трех высших сановников государства» (Ляо ши 1958: 45: 76; Е Лунли 1979: 419 прим. 18; Ларичев 2007: 134).

При императоре существовал Тайный совет – высший совещательный орган, в который входили наиболее доверенные лица. По всей видимости, не существовало специального нормативного акта, который регулировал состав совета. Однако в него входили высшие должностные лица, такие как юйюэ, тиинь, цзайсяны, илиби, представители кланов императора и императрицы, возможно, наиболее преданные императорам лица из числа неродственников.

Важное место в структуре государственного аппарата занимал Секретариат, где готовились императорские указы и другие документы, а также Управление Великого *линъя* (ученого), занимавшееся составлением официальных документов (Ляо ши 1958: 45: 86–9а). Должность *линъя* предполагала контроль над отбором претендентов в рамках существовавшей в Ляо системы сдачи экзаменов (Тюрюмина 2007: 134).

При императорском дворе были созданы различные административные подразделения и должности для управления государством и для функционирования ставки. В источниках перечисляется большое количество различных чинов и званий, связанных с двором – конюшенные, сокольничие, ключники, канцеляристы, лица, отвечающие за имущество ставки, повозки, приготовление пищи, охрану двора и внутренний порядок, и т. д. (Ляо ши 1958: 45: 146–186; Wittfogel, Feng 1949: 436–438, 440–443; Е Лунли 1979: 43, 55, 67, 116, 133, 149, 177, 249, 272, 314, 440, 465 и др.). При этом описанная в «Ляо ши» четкая структура должностей и офисов далеко не должна вводить в заблуждение. Многие из декларируемых институтов функционировали только спорадически. Большинство так называемых чиновников Северной администрации были больше подобны монгольским нукерам. Как верные вассалы-дружинники, они находились в личных связях с правителем (Twitchett, Tietze 1994: 89). Принятие решений во многом зависело не от существующей нормативной базы и разработанных правил, а от личных связей, семейных и клановых предпочтений, персональных отношений с императором, канцлерами, министрами и другими сановниками, наконец, дружескими и/или родственными отношениями.

Разделение на Северную (*Бэйфу*) и Южную (*Наньфу*) администрации не было строго географическим. Северная администрация занималась управлением киданьскими племенами и войсками вне зависимости от того, где они располагались (Ляо ши 1958: 45: 16; Twitchett, Tietze 1994: 77). Племена и вожества, подчиненные непосредственно администрации Северного района, делились на три категории: 1) четыре «великих кочевья», 2) четыре «малых кочевья»; 3) зависимые племена и «владения». О разделении киданьских «кочевий» на две неравные по статусу половины выше уже шла речь. Абаоцзи изрядно перекроил состав племен, перемешав их друг с другом. Спустя три столетия Чингисхан поступит точно так же.

Данный шаг нужен был для ослабления существующих генеалогических связей. Так, 700 дворов си были преобразованы в племя деладеда. Другие кочевья си переданы в племена ишиаовэй и чутзаовэй. Из завоеванного племени далуго

создано племя пиньдалуго. Из покоренных племен больших и малых желтых шивэй созданы племена тулюйбу шивэй и племя неланугу. Из 6 тыс. дворов юйгули учредили племена тулу и угунела. Кумоси изначально имели свой союз пяти племен. В течение определенного времени часть кумоси была завоевана и подчинена киданями. Оставшиеся были при Абаоцзи объединены в «большое племя» – *да буцзу* (Цай Мэйбяо 1964: 190).

Надплеменная организация имела довольно запутанный аппарат управления северной и южной частями киданьской конфедерации. Наиболее важную роль играли «Великие правители» (*даван*). Вместе с канцлерами (*цзайсянами*) они оттеснили от управления старую аристократию – *юйюэ* и *тииней* (Даньшин 2006: 88). Подавляющее большинство должностей в администрации Северного района занималось по наследству киданьскими аристократами из родов Елюй и Сяо. В целом номенклатура названий должностей в центральной и местной администрации Северного района отражает прямую связь этой части государственного аппарата киданьской империи с органами управления киданьского племенного союза доимперского периода. При чтении китайских источников может сложиться впечатление, что у киданей сформировалась разветвленная бюрократическая система различных служб и офисов с профессиональными чиновниками и многочисленными клерками. Скорее, следует согласиться с точкой зрения, что «это была, в сущности, личная свита больших племенных лидеров, многие из офисов которой были зарезервированы для представителей той или другой ветви клана короля или королевы» (Twitchett, Tietze 1994: 78).

Вместе с тем произошли и существенные изменения. В соответствии с иерархическим принципом организации степного общества номады были разбиты на подразделения по десятичному принципу (Е Лунли 1979: 511–513). При этом обычно только часть кочевников участвовала в военных действиях, а «остальные воины всегда оставались на месте в качестве основы племени» (Там же: 426). Согласно «Ляо ши», «все население в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет было занесено в военные списки. На одного воина регулярных войск приходилось три лошади, один фуражир и один человек, обслуживающий лагерь» (Ляо ши 1958: 34: 26–56).

Основой военной мощи киданей служила организация *ордо* императорской гвардии, охранявшей дворец императора и сопровождавшей его в походах, а после смерти императора охранявшей его мавзолей. «Тай-цзу [Абаоцзи] после восшествия на престол при поддержке племени ила разделил свое племя на Пять подразделений и Шесть подразделений, которые управлялись членами императорского клана. Но личной гвардии не хватало. Поэтому были учреждены войска *ордо*. Все округа, уезды, дворы и отдельные подданные были разделены таким образом, чтобы усилить ствол и ослабить ветви. Этот принцип использовался и последующими поколениями; каждый новый правитель набирал свою гвардию *ордо*. Когда император вступал [в резиденцию], гвардейцы располагались рядом с ним, чтобы защитить его, а когда он выходил, сопровождали его. После погребения императора они охраняли его мавзолей. В случае военных действий опорные базы пяти столиц и двух областей быстро рассылали воззвания и собирали [войска] таким образом, что не было необходимости ожидать окончания моби-

лизации по уездам, округам и племенам, поскольку армия в 100 000 конных воинов уже была наготове» (Ляо ши 1958: 35: 16; Wittfogel, Feng 1949: 540).

В 31 цзюане «Ляо ши» приводится подробное описание орд киданей (Ляо ши 1958: 31: 1а–9б; см. также русский перевод в: Е Лунли 1979: 517–523), из которого следует, что каждый киданьский император, вступая на престол, основывал свою собственную орду, в состав которой входили семьи членов орд предшествующих императоров, за исключением охраны мавзолеев. Для обеспечения орд воинами и обслугой к ним приписывались округа, уезды и воеводства. Многочисленные дворы плененных китайцев и бохайцев придавались ордам для обслуживания и выполнения функций вспомогательных войск. При этом обслуживающих дворов из числа плененных китайцев и бохайцев в составе орды обычно было значительно больше, чем дворов киданей. По этой причине численность *ордо* на протяжении истории империи Ляо постепенно увеличивалась. Если в 926 г. в *ордо* входили 15 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 6 тыс. всадников, то в последний этап существования империи в *ордо* входило уже 140 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 76 тыс. конных воинов (Wittfogel, Feng 1949: 516).

Администрация Южного района формировалась по мере завоевания киданями территорий Северного Китая и Бохая и обретения ими больших масс оседлого земледельческого населения. Большинство постов в ней занимали китайцы, при этом она никогда не имела такой политической власти, как администрация Северного района, сфера ее компетенции ограничивалась в основном управлением гражданскими делами населения земледельческих зон империи Ляо. Администрация Южного района по своей структуре во многом копировала государственный аппарат Танского Китая. Среди важнейших составных частей Южной администрации упоминаются институты «трех наставников», «трех князей-советников» при императоре, три высших органа – Тайный совет (*шумиюань*), Административный совет (*чжуншуньшэн*) и Совет Двора (*мэнься шэн*), различные советники с починенными им департаментами, цензорат, академия наук (*ханьлинь*), департамент государственной историографии, а также шесть важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел (*Ibid.*: 445–448).

Территория южной части страны была разделена на области (*фу*) и уезды (*сянь*). Всего в Ляо было 5 столиц, шесть областей (*фу*), 156 округов (*чжоу*), воеводств (*цзюнь*) и городков (*чэн*), 209 уездов (*сянь*), 52 племени (*буцзу*) и 60 вассальных владений (*шу го*) (Чжан Чжэнмин 1979: 43–44). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц империи (Wittfogel, Feng 1949: 448). Для заполнения вакансий в администрации Южного района для китайского населения империи была введена система экзаменов по танскому образцу (*Ibid.*: 454–456).

Императоры большую часть времени проводили вне столиц в сезонных ставках – *набо*. В соответствии с традициями сезонных перекочевок императоры переезжали из одного *набо* в другое. Несколько раз в год чиновники Северной и Южной администраций вызывались к императору для обсуждения государ-

ственных дел. Они приезжали в Среднюю столицу или в сезонную ставку императора для решения накопившихся вопросов по управлению китайскими территориями. В «Истории династии Ляо» («Ляо ши») дается подробное описание того, как в разные сезоны года происходило принятие решений на самом высшем уровне власти: «Каждый год, в первой декаде первой луны, когда император отправлялся в путешествие, чиновники в ранге от первого министра и ниже возвращались в Среднюю столицу, где приступали к службе и разбирали дела, касающиеся китайцев, а также выпускали приказы о временном назначении чиновников на те или иные должности... Гражданских чиновников в ранге от окружного начальника, регистратора и ниже было разрешено избирать секретарскому совету без доклада императору. О назначении военных начальников следовало докладывать императору. В пятой луне, когда император наслаждался прохладой своей временной ставки, совещания проводились совместно с чиновниками северных и южных учреждений правительства. Таким же образом совещания проходили и в десятой луне, когда император проводил в своей временной ставке зиму» (Ляо ши 1958: 32: 3б–4а).

С. Джагчид разделил киданьские города на четыре группы: столицы, резиденции элиты, центры ремесла и торговли, приграничные крепости (Jagchid 1981). Как и в Бохае, в империи Ляо существовала система пяти столиц. Четыре из пяти располагались на завоеванных землях.

Города были центрами сосредоточения торговли и ремесла. О развитии ремесел в киданьских городах свидетельствует целый ряд археологических находок, например, гончарная мастерская обнаружена на территории Императорского города Верхней столицы. Обжигавшие кирпич и черепицу печи найдены на городище, являвшемся ляоским городом Юнчжоу у слияния рек Лаохахэ и Шара-Мурэн. Раскопаны гончарные печи к югу от городища Чинтолгой-балгас. Имеется также немало свидетельств сельскохозяйственной деятельности населения киданьских городов: находки всевозможных сельскохозяйственных орудий, а также следов старинных пашен и ирригационных сооружений в окрестностях городищ (Крадин, Ивлиев 2014).

Раскопки киданьских городов на территории Монголии демонстрируют большое количество самых разнообразных находок, наличие жилищ с канами, компактную квартальную застройку, разработанную еще на этапе планирования города. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были разделяться улицами и переулками. Внутри кварталов скученно располагались жилища. Совершенно очевидно, что ведущую роль в росте и развитии киданьских городов сыграло помещенное в них киданями земледельческое население – пленные и беглые китайцы и переселенные бохайцы. Они, видимо, составили основную массу земледельческого и ремесленного населения ляоских городов и посадов (Крадин и др. 2011; Крадин, Ивлиев 2014).

Поскольку кидани были кочевниками, они привнесли свое собственное понимание того, как должна быть организована архитектурная среда. Они реформатировали представления о внутригородском пространстве таким образом, чтобы город стал для кочевников реальным домом, местом, похожим на любимую бескрайнюю степь. Именно поэтому в столичных городах, да и не только в них,

имеются достаточно большие пространства, на которых не было произведено никаких масштабных строительных работ. Здесь можно было быстро и без проблем разбить огромный кочевой лагерь, чтобы через определенный промежуток времени снова отправиться в путь. На протяжении всей истории династии Ляо императорский двор в значительной степени оставался кочевым и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками.

На место выбора городов огромное влияние оказывали как конструкты этногенетической памяти, так и существующие бюрократические практики, а также степные имперские амбиции. Пространство городской среды организовывалось как в соответствии с общепринятыми градостроительными канонами, так и с учетом локальных особенностей и нововведений. То же самое можно сказать в отношении технологии строительства фортификационных сооружений и зданий, жилищ различных категорий населения. Городские стены и башни воплощали территориальный контроль имперской элиты над подчиненной территорией. Важное место имело создание сакральных мест, связанных с политической властью и религиозным господством. Пагоды и храмы торжественно возвышались над стенами и хижинами простых масс. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразными фокусами притяжения больших потоков людей. Дворцовые и административные здания демонстрировали политическое превосходство элиты и легитимизировали сформировавшийся политический порядок. Не менее важное значение имела пространственная сегрегация городского ландшафта, которая, с одной стороны, отсекала простых жителей от мест пребывания элиты и, с другой стороны, служила маркером этнической стратификации, подчеркивала неравенство между разными группами завоевателей и различными категориями завоеванных.

Ко второй половине XI в. киданьская империя прошла период своего подъема и стала клониться к упадку. Подобные кризисы были характерны для всех династий традиционного Китая (Коротаяев и др. 2007), а в более широком контексте – для всех доиндустриальных обществ (Турчин 2007; Нефедов 2008; Гринин, Коротаяев 2012 и др.). К тому же длительный период относительно мирного существования государства без крупных военных кампаний привел к ослаблению боеспособности киданьских войск. В последней четверти XI в. Ляо уже не пыталось вести какие-либо завоевательные войны. Напротив, им все чаще приходится отражать нападения соседей. Огромных усилий стоила киданям победа над кочевниками цзубу и диле, захватившими огромные табуны императорских лошадей (Wittfogel, Feng 1949: 539, 593–594). Ослепленные своим былым величием, киданьские правители не смогли вовремя заметить и предотвратить нависшую над империей опасность со стороны чжурчжэней.

Чжурчжэни и империя Цзинь

Этноним *чжурчжэни* появляется с X в. Им стали называть происходившие от хэйшуй мохэ племена и вождества, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. Кидани подразделяли чжурчжэней на «мирных», которые расселялись на подконтрольных империи Ляо землях, и на «диких», которые

проживали к востоку и северо-востоку от Сунгари. Чжурчжэни зависели от киданей и платили им дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями, лошадьми и т. д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы в земли Уго (кит. «пять владений»), предположительно, в низовья Сунгари, Уссури и прилегающей к ним долине Амура.

Согласно «Цидань го чжи», к востоку от Уго находилось море, «на берегах которого водились знаменитые соколы... их называли хайдунцин – [“серые соколы с восточного морского побережья”]. Несмотря на небольшую величину, они были умными и сильными, могли ловить гусей и уток... Кидане чрезвычайно любили соколов и ежегодно требовали их от нюйчжэней. Чтобы получить соколов, нюйчжэням приходилось ездить в государство Пяти племен и воевать с ним. Трудности добычи соколов были для нюйчжэней невыносимы» (Е Лунли 1979: 176).

По мнению того же источника, «соколиный оброк» стал одной из причин консолидации чжурчжэней: «Когда престол унаследовал Тянь-цзо (последний император Ляо. – *Прим. авт.*), требования дани стали еще более жестокими. К тому же приезжавшие императорские послы предъявляли самые разнообразные требования и, если племена хотя бы немного нарушали распоряжения, вызывали их вождей, которых наказывали ударами палкой или даже убивали. Это вызывало возмущение и недовольство среди всех нюйчжэньских племен, которые тайно объединились вокруг Агуды» (Е Лунли 1979: 176).

Так или иначе, источник подтверждает факт консолидации чжурчжэней в конце XI в. под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все более или менее крупные объединения чжурчжэней оказались под их влиянием. В 1112 г. вождь чжурчжэней Агуда отказался танцевать на официальном приеме у киданьского императора. Это стало причиной конфликта и начала войны. Через несколько лет Агуда провозгласил создание Золотой (по-китайски – «Цзинь») империи чжурчжэней (1115–1234) и принял титул императора. За десять лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. По иронии судьбы остатки киданей оказались в самом западном городе империи Ляо Чжэньчжоу (городище Чинтолгой-балгас), куда они прежде ссылали бохайцев (Крадин и др. 2011: 166–167). В 1130 г. они покинули и его, направившись в Среднюю Азию, где создали империю каракиданей (Си Ляо, кит. «Западное Ляо»).

Агуда принял инвеституру в соответствии с китайской традицией. Чтобы легитимизировать свое правление, он послал по наущению своего советника бохайца Ян Пу письмо киданьскому императору. В этом послании императору предлагалось узаконить статус Агуды в качестве императора, установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции (Franke 1975: 158–165). Миссия в конечном счете провалилась из-за резкого тона ответного письма. Однако вызывает интерес стремление легитимизировать свое положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

После завоевания территории Ляо чжурчжэни взяли за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромную дань. Только в 1127 г. чжурчжэни получили от Сун 1 млн ляннов золота, 10 млн слитков серебра, 10 млн кусков шелка и 10 млн кусков тканей. Впрочем, экономический «центр» дальневосточной мир-системы находился на юге, и полученное серебро скоро возвращалось назад. Чжурчжэням приходилось рассчитывать на им закупаемые в Сун товары (Theile 1971: 113–115; Гончаров 1986: 25).

Еще в период царствования Агуды был заключен союз против киданей с империей Сун. Однако сразу после разгрома киданей встал вопрос о дележе ляоского наследства. Чжурчжэни отдали сунцам только шесть округов около Яньцзина (Пекина) и обязали их присылать денежные выплаты. В 1123 г. заключен равноправный договор с династией Сун, согласно которому сунцы должны были выплачивать 200 тыс. серебряных монет и 30 тыс. кусков шелка.

В ходе войны 1125 г. за несколько месяцев чжурчжэни захватили большую часть Хэбэя и Шэньси. После завоевания Кайфэна в 1126 г. добыча была просто огромна. Завоеватели получили 54 млн кусков шелка, 15 млн кусков парчи, 3 млн слитков золота, 8 млн слитков серебра, что было эквивалентно 5 млрд связок монет. В сокровищнице буферного государства Ци в 1137 г. было захвачено 1,2 млн ляннов золота, 1,6 млн ляннов серебра, 900 тыс. ху зерна, 2,7 млн кусков шелка, 98,7 млн связок монет (Воробьев 1975: 270).

В 1142 г. Был заключен мирный договор с Южной Сун (так называемый Шаосинский договор), по которому р. Хуайхэ стала официальной границей между двумя государствами, сунцы обязывались ежегодно выплачивать цзиньцам 250 тыс. связок монет и 250 ланнов серебра. Помимо этого, сунцы обязывались не чинить препятствий беженцам, возвращающимся на территорию Цзинь, не принимать перебежчиков, отказаться от всех территориальных претензий. Стороны обязывались не размещать в приграничных землях военные гарнизоны, кроме пограничных и тыловых частей. Были также открыты приграничные рынки между Цзинь и Сун.

Оценивая сунские выплаты чжурчжэням, М. В. Воробьев высказал обоснованное мнение, согласно которому доля поступлений из Сунской династии в цзиньский бюджет в целом была невелика – всего 1,4 % (Там же). Однако учитывая значимость получаемых товаров для престижной экономики традиционного общества, мы вправе предположить, что значительная часть расходов уходила на подарки. Подарки раздавались щедро, в соответствии со статусом индивида по случаю самых разных событий – праздников, брачных церемоний, рождения детей, траурных мероприятий, военных баталий и др. К примеру, в 1142 г. один из родственников императора, являвшийся военачальником, получил за свои военные успехи 1000 рабов, 1000 лошадей, 1 млн овец, 40 слитков серебра и 2000 кусков тканей.

В период расцвета Чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения Цзинь в начале XIII в. составляла более 53 млн человек, из которых чжурчжэней было около 10 %, тогда

как китайцев – не менее 83 % (Franke 1978: 12, 14). Подобно бохайцам и киданям, у чжурчжэней было пять столиц. Страна делилась на 19 губерний, которые возглавлялись генерал-губернаторами. Губернии, в свою очередь, состояли из областей, округов и уездов.

Этнонациональный состав империи Цзинь согласно переписи 1183 г. выглядел следующим образом: чжурчжэни и тунгусы (10 %), бохайцы (2 %), кидани (1 %), китайцы (85 %). Население располагалось неравномерно. Наиболее густонаселенными были южные части страны около старых столиц китайских династий. Так, в районе Кайфына (Южная столица) насчитывалось 1,7 млн домохозяйств. Это почти четверть населения страны. Около Пекина (Средняя столица) было 226 тыс. хозяйств. Территория Манчжурии была заселена гораздо хуже. Для примера, в Ляояне (Восточная столица) находилось 41 тыс. домохозяйств, а в районе Хуэйнина (Верхняя столица, современное городище Байчэн) располагалось всего 31 тыс. хозяйств (Franke 1994: 279).

Получив огромные материальные и человеческие ресурсы, чжурчжэни смогли построить высокоразвитую империю, используя сунские, ляоские и некоторые собственные политические практики. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную слоговую письменность. В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное и декоративно-прикладное искусства, скульптура и архитектура. Чжурчжэни строили крупные города, в которых двигали пышные дворцы и храмы. Города становились центрами ремесла, торговли, идеологии, своеобразной многонациональной культуры. Они заимствовали и развили систему пяти столиц. Чжурчжэньские столицы были больше и величественнее киданьских (Воробьев 1975; 1982; Шавкунов 1990 и др.).

В первые годы существования империи Цзинь чжурчжэни использовали для управления систему традиционных вождей *боцзиле* (чж. *богиле*), а также институты мэнъань и моукэ. Чжурчжэньский термин *моукэ*, возможно, восходит к маньчжурскому *мукун* – клан семейство, деревня, а термин *мэнъань* (ср. монг. *мянган* – тысяча; манчж. *минган*), по всей видимости, обозначал тысячу (Franke 1994: 273–274). При этом были сохранены ляоское административно-территориальное деление и дуальная система управления. Уже в 1119 г. было создано большое, а в 1138 г. – малое чжурчжэньское письмо.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой управления. Со временем при дворе развернулась борьба между сторонниками «военной» и «административной» партии. Тайцзун (1123–1135) опасался сепаратистских настроений «милитаристов» и склонился ко второму варианту (Тао Jing-shen 1976). За период 1133–1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. В новом государственном устройстве много было заимствовано от китайской традиционной бюрократической системы, но в нее вошло и немало элементов управления чжурчжэньским обществом. Основу госаппарата составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве были заняты чжурчжэнями. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами (Воробьев 1975: 150–178).

С течением времени система органов управления государства сформировалась в следующем виде: во главе находился подчиненный императору Верховный военный совет, ему подчинялись система боцзиле для управления чжурчжэнями, а также Государственный совет и шесть министерств для управления китайцами. Земли чжурчжэней делились на генерал-губернаторства, которые состояли из мэнъань и моукэ. Территории, заселенные китайцами, делились на губернии, области, округа и уезды. При этом часть мэнъаней и моукэ чжурчжэней для поддержания контроля была расселена среди китайцев. Для поддержания военной координации сохранялся Тайный совет (Там же: 151–153).

К окончанию войны против киданей была восстановлена экзаменационная система. Она первоначально не затрагивала чжурчжэней. Только с 1156 г. были организованы экзамены для представителей титульной нации империи, несколькими годами позже создания чжурчжэньского университета. При этом в разные годы система сдачи экзаменов варьировала (Там же: 174). Обобщенные результаты данного канала рекрутирования высшей политической элиты приведены в табл. 1.2. В 1132–1134 гг. была ликвидирована система боцзиле, а вместо нее с 1137 г. была введена ранговая система. Она состояла из 9 рангов, каждый из которых делился на два: полный и неполный (Там же: 170).

В наиболее законченном виде структура аппарата управления империей сформировалась ко второй половине XII в. Она выглядела следующим образом (Там же: 159–164). Высшей инстанцией являлся император. При императоре существовали несколько совещательных органов — институт трех князей (*сань гун*) и трех наставников (*сань ши*), «коллегия мудрейших» (*цзисянь юань*) и «коллегия увещаний» (*цзянь юань*). В первую из коллегий входили советники, которые давали советы по вопросам морали и соответствия политической практики конфуцианской традиции. В задачи второй входило предостережение императора и высших должностных лиц от неправильных поступков. При императоре существовал широкий круг различных ведомств, в который входили цензорат, государственная канцелярия, государственный секретариат, верховный суд, военно-карательное ведомство *дуюаньшифу*, которое впоследствии было преобразовано в Верховный военный совет (Тайный совет) (Цзинь ши 1975: 55).

Государственному совету подчинялись шесть министерств (*бу*) — чинов, финансов, церемоний, юстиции, общественных работ и военных дел. Министерство чинов фактически отвечало за подбор кадров чиновников, начиная от проведения экзаменов вплоть до вопросов ротации, обеспечения жалованьем и награждения. Министерство финансов обеспечивало учет податного населения, собирало налоги и следило за их сохранностью. Министерство церемоний организовывало обряды, праздники, жертвоприношения. Министерство юстиции следило за судопроизводством и соблюдением законов. Министерство общественных работ занималось строительством дорог, мостов, плотин, фортификационных сооружений, ремонтом дворцов и т. д. Министерство военных дел осуществляло контроль над арсеналами, государственными табунами, почтовыми станциями, обеспечивало набор рекрутов. Существовало специальное ведомство военной стражи, которое занималось охраной городов.

Помимо этого, государственному совету подчинялись коллегия государственной истории (*гоши юань*), которой был поручен сбор материалов для составления истории Цзиньской династии, академия Ханьлинь, занимавшаяся распространением чжурчжэньской письменности и переводами китайских книг (последняя функция была возложена на специальную коллегия *хунвэнь гуань*), а также государственный архив, обсерватория, служба календарей, библиотека, университет. Ряд ведомств были созданы для обеспечения императорского двора. Среди них были коллегия императорских приемов (*сюаньхуй юань*), сокровищница (*тайфу цзянь*), а также ряд других специальных подразделений.

Высшие органы власти состояли преимущественно из чжурчжэней. Практически все ключевые должности занимали представители титульного этноса. В различных министерствах численность представителей различных этнических групп сильно варьировала. Так, представители императорского клана Ваньянь присутствовали во всех министерствах, но более всего (38 %) их было в военном министерстве. Всего в этом министерстве 69 % должностей занимали чжурчжэни. Кроме них было 17 % китайцев и 14 % киданей. Напротив, в министерстве финансов было 78 % китайцев. Очень много китайцев (до половины и более) присутствовали в министерствах чинов и церемоний. В министерствах юстиции и общественных работ их было несколько менее половины. Численность бохайцев и киданей в министерствах была в целом относительно невелика, что объясняется общей немногочисленностью их населения (Воробьев 1975: 172, табл. 10).

Опасаясь растворения, чжурчжэни старались ограничивать процент госслужащих из числа китайцев в высших органах власти. Удельный вес китайцев постоянно увеличивался, но никогда не достигал половины (Там же: 171–173). Заимствованная из Китая система экзаменов была преобразована таким образом, чтобы фильтрация китайцев была жестче. Чжурчжэням было гораздо проще получить степень *цзиньши*, чем китайцам. Кроме этого, чжурчжэни могли получить должность по наследству или по протекции. Из числа китайцев более льготные условия создавались для бывших подданных Ляо – «северян» (*ханьэр*), чем для «южан» (*наньжэнь*) сунцев (Тао Jing-shen 1976: 55–57). При этом почти весь XII в. в разных частях государства продолжали сосуществовать разные письменные языки (китайское, киданьское и чжурчжэньское письмо). Только в 1191–1192 гг. была сделана попытка упразднить киданьское письмо (Wittfogel, Feng 1949: 252–253).

В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура Чжурчжэньской империи. Во главе находился император и его многочисленные родственники. Они были крупнейшими владельцами собственности и занимали большинство главных постов государственного аппарата. Далее располагалась чжурчжэньская аристократия. Ее представители обладали значительным богатством, служили главной опорой государства. Еще ниже находились племенные вожди и, наконец, простые чжурчжэни, которые были опорой армии, занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом. Из представителей нечжурчжэньских народов в империи высокое общественное положение имели китайские чиновники и крупные землевладельцы,

хотя их влияние было ограничено верховной властью. Положение свободных китайских ремесленников, торговцев и крестьян было намного хуже. На их плечи легли основные тяготы государственных налогов и повинностей. Но еще тяжелее было положение казенных и частных рабов, вынужденных трудиться на своих хозяев. Для дополнительного поддержания порядка на завоеванных землях была создана система чжурчжэньских военных поселений – *мэньань* и *моукэ* (Воробьев 1975: 130–142).

Чжурчжэни имели многочисленную, хорошо обученную и вооруженную армию. По данным источников, в 1161 г. воинские подразделения Цзинь могли выставить 1–1,2 млн человек. Сюда входили 25 тыс. человек регулярных войск из числа чжурчжэней, расположенных в основном в столицах, порядка 40 тыс. человек резервной армии в Шаньдуне, до 400 тысяч мобилизованных в разных губерниях и около 700 тысяч из числа китайцев, бохайцев и киданей (Там же: 195).

Основной задачей военных поселений *мэньань* и *моукэ* на завоеванных территориях было занятие сельским хозяйством в мирное время и участие в военных походах в годы войны. Однако на практике чжурчжэни не только принимали участие в военных походах, но и были привлечены к военным тренировкам, а также к другим обязанностям. Часть из них в мирное время вела праздный образ жизни, пьянствовала. Вследствие всех этих и других причин конкурентоспособность *мэньань* и *моукэ* уступала китайским хозяйствам. Многие домохозяйства чжурчжэней разорялись, попадали в кабалу к ростовщикам.

Государство разными способами пыталось бороться с этой проблемой – раздавало беднякам зерно, запрещало пьянство, выкупало должников, организовывало регулярные военные тренировки. Тем не менее с течением времени этнический фундамент системы военных поселений стал разрушаться. К середине XII в. уже существовали разные по своему этническому составу группы *мэньань* и *моукэ*. Помимо *мэньань* и *моукэ*, состоящих из чжурчжэней (часть из них находились под управлением представителей высшей элиты и императорского клана), были сформированы военные поселения, составленные не из чжурчжэней, а из киданей и китайцев (Franke 1994: 274–275).

Согласно переписи 1183 г., система военных поселений составляла 615624 домохозяйств, к которым было приписано 6158636 человек. Из них 4812669 человек были отнесены к простолюдинам, остальные к рабам и другим неполноправным категориям населения. В совокупности они составляли 202 *мэньаня* и 1878 *моукэ* (Воробьев 1975: 141–142, табл. 6; Franke 1994: 276). Эти сведения дают важную информацию о численности *мэньань* и *моукэ*. Получается, что *мэньань* состоял в среднем из 9 *моукэ*. Одно *моукэ* состояло из 328 домохозяйств. Численность домохозяйства была около 10 человек. В среднем на домохозяйство приходилось два лица рабского или подобного статуса. Среднестатистическая численность одного *моукэ* была несколько более 3000 человек, а одного *мэньаня* – 30000 человека. В совокупности количество приписанных к *мэньань* и *моукэ* людей составляло чуть больше десятой части численности населения империи Цзинь.

Достаточно хорошо изучены города чжурчжэней на территории Приморья (Бакшеева, Прокопец 2018). Здесь исследовались памятники разного ранга. Около современного Уссурийска на противоположном берегу реки Раздольная (Суйфун) находится Краснояровская крепость – город Кайюань, одна из столиц государства Восточное Ся (Ивлиев 1996). Это был большой город площадью 180 га с мощными внутренними фортификационными сооружениями, дворцами, храмами, административными зданиями. Посредством раскопок большими площадями исследовано большое количество жилищных усадеб, иных хозяйственных объектов, открыто несколько улиц. По всей видимости, город делился на несколько различных зон в зависимости от статуса и специализации их жителей – кварталы ремесленников и торговцев, других категорий населения, место расположения гарнизона. В юго-восточной части городища находился «внутренний город» площадью 35 га. Его территория разделена на несколько участков, – так называемый «запретный город» с дворцовыми зданиями, кварталы чиновников и представителей господствующей элиты, храмовые комплексы, государственные склады и др. (Артемяева 2011).

Одно из наиболее изученных горных городищ чжурчжэней – Шайгинское городище. Это был настоящий город, в котором были сконцентрированы институты власти, мощный металлургический квартал, представители других видов ремесел, городские склады и т. д. В нижней части распадка поблизости от водного источника находились металлургические печи. Выше от них – квартал ремесленников с небольшими жилищами-мастерскими. Напротив, на противоположном склоне распадка, расположены три «внутренних города», окруженных земляными валами и примыкавших друг к другу. Здесь находятся остатки зданий с колоннами и большие пустые пространства. В этом районе найдено большинство находок, связанных с институтами власти (пайцза, печать *чжичжуня* – крупного чжурчжэньского чиновника, эталонные гири). В северо-восточной части городища имеется еще один «запретный город» с большими жилищами, подобием площади и входом с черепичной аркой (Шавкунов 1990; Ивлиев 2006).

Примером небольшого военного поселения (*моукэ*) является Ананьевское городище в Надеждинском районе Приморья (Хорев 2012). Оно расположено на уплощенной части горного хребта и окружено валами. Площадь памятника – 10,5 га. Здесь раскопано 118 жилищ, а общее количество, возможно, превышает несколько сотен. При исследовании выделено два строительных горизонта. На раннем этапе существования памятника строились небольшие жилища с П-образным или Г-образным каном. Планировка отсутствовала. На позднем этапе возводились большие жилища с П-образным каном и хозяйственным амбаром. Строительство осуществлялось по единому плану. Жители городища занимались несением воинской службы и земледелием. Они были объединены в военное поселение (*моукэ*).

В целом чжурчжэньским равнинным и горным городищам была присуща развитая фортификация, грамотно вписанная в индивидуальные особенности ландшафта. Они имели сложную планиграфию – так называемые «запретные города», редуты, квартальное деление, улицы. В некоторых городах имелись большие пустые участки (как у киданей). На ряде памятников встречены фундаменты под юрты (Константиновское городище). Население городов занималось

ремеслом, а также земледелием и животноводством. Уровень развития ремесла был высок для того времени. Мы можем предположить, что ремесленники могли быть организационно объединены под контролем государства. Однако по данным археологии это не прослеживается.

Заключение

В целом для всех рассмотренных дальневосточных государств характерно не только заимствование тех или иных компонентов средневековой китайской политической культуры, также прослеживается влияние находящихся на пике могущества на новые формирующиеся политии. Влияние имело стимулирующий характер, ускоряло процессы экономического и культурного подъема, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов. Большое влияние на них оказала «тюркская» модель, не случайно еще в конце VII в. ряд вождей пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни – на процессы политогенеза у монголов. Это выразилось в международном признании, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр.

Другой важной чертой политического устройства дальневосточных государств является дуализм политической системы империй. Киданьская империя Ляо (907–1125 гг.), как и впоследствии государство чжурчжэней Цзинь (1115–1234 гг.), имела более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В случае с киданями и чжурчжэнями это были империи, которые создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высокоразвитых соседей-земледельцев (китайцев). Поскольку вновь созданные общества имели сложносоставной характер (в литературе данное явления нередко называют суперстратификацией) и занимали большую территорию, то их можно называть «варварскими империями». Основной формой эксплуатации в «варварских империях» были данничество и налогообложение подчиненного земледельческого и городского населения. Так происходило наложение предклассовых или максимум раннеклассовых институтов воинственных северян на типичное восточно-деспотическое общество завоеванных оседлых жителей.

Что являлось причиной кризиса и распада государств и империй Дальневосточного региона? Как известно, все империи рано или поздно распадаются. Причинами их гибели могут быть самые разнообразные факторы – от изменений климата и появления на внешней арене более мощной империи до внутренних восстаний и революций. Есть большое число исследований, в которых дается обоснование тех или иных обстоятельств кризисов, упадков и распадов империй и больших государств (см., например: Tainter 1988; Chase-Dunn, Hall 1997; Даймонд 2012). Однако наиболее точно природу циклов аграрных государств отражает структурно-демографическая теория. В ее основе лежит модель, согласно

которой причина кризисов находится в изменении соотношения таких составляющих, как объем аграрных ресурсов, численность производителей, численность элиты, количество взимаемых с производителей налогов. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на ресурсы и росту цен. Независимо от этого согласно так называемому первому закону Паркинсона одновременно увеличивается численность элиты и аппарата. Производители не способны платить чрезмерные налоги, что приводит династию к кризису и краху (Турчин 2007; Нефедов 2008; Гринин, Коротаев 2012 и др.).

Все это можно проследить в истории средневековых дальневосточных государств. К сожалению, информации о внутренней жизни Бохая в нарративных источниках практически нет. Однако перепроизводство бюрократии в киданьском государстве зафиксировано в летописях. В «Ляо ши» сохранились подробные данные о количестве лиц, сдавших экзамены на степень *цзиньши* с 988 по 1118 г. Если в первые 16 лет количество сдавших исчислялось единицами, то с 1006 г. счет уже пошел на десятки, а с 1056 г. счет осчастливленных переваливал в годы выборов, как правило, за сотню (Wittfogel, Feng 1949: 491–492). Киданьская армия и бюрократия обходились казне слишком дорого. Мало того что фактически вся дань от Сун уходила на их оплату, с течением времени киданьская знать, представители которой стали крупными земельными собственниками, стала уклоняться от уплаты налогов. Это сокращало и без того не очень высокий уровень налогообложения в стране. Налоговая нагрузка на китайских крестьян возрастала и многие из них разорялись, превращались в бродяг и разбойников либо восставали против непомерного гнета (Wittfogel, Feng 1949: 286, 377, 406; Varfield 1992: 177).

В результате степень эксплуатации крестьян все нарастала, это вело к их бегству и восстаниям. Ухудшалось качество и уменьшалось поголовье государственных стад, учащались случаи продажи государственных лошадей частным лицам, конокрадство и подмена хороших государственных лошадей худшими (Wittfogel, Feng 1949: 118). Мощь государства расшатывалась и все возраставшей борьбой за власть среди киданьской аристократии. Поскольку династия Ляо была кочевой империей, то нужно учитывать важное значение такого фактора, как увеличение численности элиты в геометрической прогрессии вследствие наличия института многоженства (Крадин 2015).

Схожие процессы можно выделить и в империи Цзинь. К 1183 г. численность чиновников составляла 19 700 человек при общей численности населения 44,7 млн человек. В 1193 г. численность чиновников была снижена до 11499 при некотором росте населения до 48,5 млн человек. Это было сделано при Чжанцзуне за счет вытеснения китайцев и киданей. В 1207 г. численность чиновников достигла 47 тыс. человек при общей численности населения страны в 45,8 млн человек (Воробьев 1975: 173). Следовательно, за период с 1188 по 1207 г. соотношение между числом чиновников, приходящихся на одного человека, выросло в 2,8 раза! С точки зрения структурно-демографической теории это классический показатель кризиса, который привел в конечном счете чжурчжэньскую государственность к закономерной гибели.

Библиография

- Артемяева Н. Г. 2011.** Итоги исследований Красноярского городища Приморской археологической экспедицией. *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока* / Ред. В. А. Лынича, с. 270–277. Уссурийск: Изд-во Уссурийского государственного педагогического ин-та.
- Бакшева С. Е., Прокопец С. Д. 2018.** Города Бохайского государства. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 203–250. М.: Вост. лит-ра.
- Бичурин Н. Я. 1950.** *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Болдин В. И. 1986.** *Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней Приморья (по материалам археологических исследований)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Болдин В. И., Никитин Ю. Г., Сук-Бэ, Чжун С., Лещенко Н. В. 2010.** *Бохайские памятники в Приморье и Константиновское I селище*. Тэджон: Корейский гос. ун-т культурного наследия.
- Ван Чэнли. 1984.** *Бохай цзянь ши* [Краткая история Бохая]. Харбин.
- Викторова Л. Л. 1980.** *Монголы. Происхождение народа и истоки культуры*. М.: Наука.
- Воробьев М. В. 1975.** *Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк*. М.: Наука.
- Воробьев М. В. 1983.** *Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.).* М.: Наука.
- Гельман Е. И. 2018.** Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней. *Ойкумена* 1: 60–72.
- Гельман Е. И., Асташенкова Е. В. 2018.** Культура и повседневность бохайских городов. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 124–148. М.: Вост. лит-ра.
- Гельман Е. И., Асташенкова Е. В., Прокопец С. Д., Ивлиев А. Л. 2018.** Города Бохайского государства. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 68–123. М.: Вост. лит-ра.
- Гончаров С. Н. 1986.** *Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142)*. М.: Наука.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Даймонд Дж. 2012.** *Коллапс*. М.: АСТ.
- Даньшин А. В. 2006.** *Государство и право киданьской империи Великое Ляо*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Е Лунли. 1979.** *История государства киданей*. М.: Наука.
- Ивлиев А. Л. 1986.** *Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований)*: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Ивлиев А. Л. 1988.** *Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов)*. *Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века* / Отв. ред. Э. В. Шавкунов, с. 6–15. Владивосток: ДВНЦ АН СССР.
- Ивлиев А. Л. 1996.** Письменные источники об истории Приморья середины I – начала II тысячелетия н. э. *Приморье в древности и средневековье* / Отв. ред. А. М. Кузнецов, с. 39–34. Уссурийск: УГПИ.
- Ивлиев А. Л. 2005.** Очерк истории Бохая. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье* / Отв. ред. Ж. В. Андреева, с. 449–475. Владивосток: Дальнаука.
- Ивлиев А. Л. 2006.** О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища. *Вестник ДВО РАН* 2: 109–113.

- Коллинз Р. 2001.** Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и агро-принудительных обществ. *Время мира: альманах*. Вып. 2, с. 462–476. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. 2-е изд. М.: КомКнига.
- Крадин Н. Н. 1989.** *Социальный строй народов Дальнего Востока СССР I тыс. н. э.* Препринт. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР.
- Крадин Н. Н. 2005.** Тюркские руны и время образования бохайского государства. *Article of Old Choson, Koguryo, and Parhae*, pp. 623–632. Seoul: Kogurye Research Foundation.
- Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. 2014.** *История киданьской империи Ляо (907–1125)*. М.: Наука, Вост. лит-ра.
- Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилов С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л. 2011.** *Киданьский город Чинтолгой-балгас*. М.: Вост. лит-ра.
- Ларичев В. Е. 2007. (Ред.)**. *История Железной империи*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.
- Леньков В. Д. 1993.** Черная металлургия Бохая: К вопросу организации и технологии производства. *Россия и АТР* 1: 41–54.
- Ляо ши** [История династии Ляо]. Пекин: Изд-во Бона, 1958.
- Малывкин А. Г. 1974.** *Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв.* Новосибирск: Наука.
- Нефедов С. А. 2008.** *Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока*. М.: Территория будущего.
- Полутов А. В. 2014.** Государственный аппарат государства Бохай. *Известия Восточного института* 2: 16–27.
- Попова И. Ф. 1999.** *Политическая практика и идеология раннетанского Китая*. М.: Вост. лит-ра.
- Сергушева Е. А. 2018.** Сельское хозяйство городского населения. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 251–280. М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Таскин, В. С. 1984. (Сост.)**. *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. М.: Наука.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: URSS.
- Хорев В. А. 2012.** *Ананьевское городище*. Владивосток: Дальнаука.
- Цай Мэйбяо. 1964.** Цидань-дэ було цзучжи хэ гоцзя-дэ чаньшэн [Племенная организация и образование государства у киданей]. *Лиши яньцзю* 5–6: 165–194.
- Цзинь Юйфу. 1982.** *Бохай го чжи чанпянь* [Собрание сведений о государстве Бохай]: в 2 т. Чанчунь 1982.
- Цзинь ши** [История династии Цзинь]: в 8 т. Пекин, 1975.
- Чжан Чжэнмин 1979.** *Цидань шилюэ* [Очерк истории киданей]. Пекин.
- Чэнь Юнчжи 2011.** *Цидань ши жогань взньти яньцзю* [Исследование некоторых вопросов истории киданей]. Пекин.
- Шавкунов Э. В. 1968.** *Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье*. Л.: Наука.
- Шавкунов Э. В. 1990.** *Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука.
- Шавкунов Э. В. (Отв. ред.) 1994.** *Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России*. М.: Наука.
- Barfield T. J. 1992.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. 2nd ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Chase-Dunn Ch., Hall, T. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.

- Franke H. 1975.** Chinese Texts on the Jurchen, I: A Translation of the Jurchen Monograph in the San-Ch'ao Pei-Meng Hui-Pien. *Zentralasiatische Studien* 9: 119–186.
- Franke H. 1978.** *Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234)*. Orladen: Verlag für Sozialwissenschaften.
- Franke H. 1990.** The Forest Peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens. *Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press,
- Franke H. 1994.** The Chin Dynasty. *The Cambridge History of China*. Vol. 6. *Alien Regimes and Border States, 907–1368* / Ed. by H. Franke, D. Twitchett, pp. 215–320. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fried M. 1967.** *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.
- Jagchid S. 1981.** The Kitans and their Cities. *Central Asiatic Journal* 25(1–2): 70–88.
- Kane D. 2009.** *The Kitan Language and Script*. Leiden: Brill.
- Reckel J. 1995.** *Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Song Ki-ho. 1990a.** Current Trends in the Research of Palhae History. *Seoul Journal of Korean Studies* 3(12): 4–20.
- Song Ki-ho 1990b.** Several Questions in Studies of the History of Palhae. *Korea Journal* 30(6): 157–174.
- Song Ki-ho. 1999.** The Dual Status of Parhae: Kingdom and Empire. *Seoul Journal of Korean Studies* 12(11): 104–123.
- Tainter J. 1988.** *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tao Jing-shen. 1976.** *The Jurchen in the Twelfth-Century China. A Study in Sinicization*. Seattle; London: University of Washington Press.
- Thiele D. 1971.** *Der Abschluss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung und Chin Dynastie, 1117–1123*. Münchener Ostasiatische Studien No 6. Wiesbaden: Franz Steiner.
- Twitchett D., Tietze K.-P. 1994.** The Liao. *The Cambridge History of China*. Vol. 6. *Alien Regimes and Border States, 907–1368* / Ed. by H. Franke, D. Twitchett, pp. 43–153. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng. 1949.** *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia: Transactions of the American Philosophical Society, new series 36.